

Рабочее движение — главная сила демократии

На вопросы журнала отвечает доктор исторических наук, профессор, заведующий лабораторией Института проблем рабочего движения и сравнительной политологии АН СССР ЛЕОНИД ГОРДОН.

«ОНС» Весна этого года ознаменовалась невиданным в нашей стране всплеском забастовок. Нам представляется, что читателям журнала было бы интересно узнать ваше мнение о проблемах и перспективах развивающегося рабочего движения.

Л. Г. Возрождение в стране рабочего движения можно сравнить с появлением первых ростков зелени на выжженной земле. Это не просто одна из самых важных вещей, но такая вещь, о которой надо очень серьезно задуматься интеллигенции, преодолевая, в частности, вполне понятную идеосинкразию в отношении рабочего движения, вызванную теми пошлостями, которые в течение стольких лет писались и говорились о нем.

«ОНС» Рабочее движение — одна из органических составляющих общественно-политических процессов, и, очевидно, невозможно адекватно осознать его смысл вне связи со всем, что происходит в нашем обществе.

Л. Г. Конечно. Сегодня, по-моему, уже нет сомнений в том, что мы стали очевидцами и участниками гигантского конфликта, во многом напоминающего революцию. Я думаю, что утвердившийся термин «перестройка», если его понимать буквально, не соответствует действительности. Потому что в буквальном смысле перестройка означает некий планомерный процесс. А мы видим, что этот процесс не планомерный, и он не может быть планомерным. В нем очень многое зависит от конкретных, изменяющихся обстоятельств.

«ОНС» Не удивительно, что от слова «перестройка» сейчас многие отказываются.

Л. Г. Боюсь, именно это обстоятельство делает для меня очень неприятным заявление об отказе от него. Во-первых, потому что не хотелось бы маршировать в едином строю. А во-вторых, среди стоящих за «отмену» этого термина преобладают, по-моему, те, кто просто хочет этим сказать, что сама эта политика — ошибка, что вообще не надо было ничего менять. Однако дело не в названии, а в том, чтобы было ясно, о чем идет речь.

Надо учитывать, что революционные преобразования у нас (как, наверное, и во всех государственно-социалистических обществах) обладают многими существенными особенностями, отличающими их от классиче-

ских революций. Прежде всего пока, к счастью, нигде, кроме Румынии, не было насильственного свержения старой государственной власти. Но наиболее существенно другое.

Классическое развитие революционной ситуации заключается в том, что существуют, с одной стороны, силы, группы, классы, которые хотят изменить существующий порядок, а с другой — силы, группы, классы, которые хотят его сохранить. Специфика же нашей ситуации заключается в том, что по большому счету у нас нет противников перестройки. Нет и не было в середине 80-х годов значимых групп, которые бы действительно были заинтересованы в сохранении существовавших тогда порядков. И в этом смысле бывший тогда популярным горбачевский тезис, что все мы по одну сторону баррикады, в каком-то смысле верен. Но именно «в каком-то смысле», и реальная ситуация означает, что положение у нас не лучше, а хуже, чем в обычной революционной ситуации. Потому что противниками существующего порядка были все, практически никто не был заинтересован в сохранении того, что названо «застоем», а тем более того, что имеется сейчас. Все хотели перемен, но беда в том, что в исключительно разных направлениях. В сущности, с самого начала перестройка была не столкновением сторонников старого порядка с его противниками, а борьбой разных вариантов перестроек. При этом, заметьте, социальная дистанция, социальная напряженность между группами, которые хотят двигаться в практически противоположных направлениях, больше, чем между группами, одна из которых стоит на месте, а другая хочет куда-то двигаться.

И в этом одна из причин того, почему на первом этапе была возможна центристская горбачевская политика, и была она очень разумна и правильна. Главное тогда было в объединении всех для того, чтобы сдвинуть с места эту машину. И ради этого действительно можно было тогда объединить, скажем, такие фигуры, как Лигачев и Яковлев. Но в последующие годы стало достаточно очевидно, что речь идет о разных интересах и разных перестройках.

«ОНС» Итак, все хотели изменить порядок, сложившийся в стране, но каждая группа по-своему. Какие же основные варианты замены вы бы выделили?

«П. Г. Пожалуй, наиболее ясно, чего хотят люди, недовольство которых базировалось на том, что порядки «застоя» стали отличаться от порядков, существовавших до середины 50-х годов, те, кто не принял шагов, сделанных в сторону от сталинизма, начиная с хрущевской «оттепели», — сторонники государственно-социалистических порядков в их классической форме. Раньше всех об этом сказала Нина Андреева. Сегодня на этих позициях стоят руководящие группы РКП. Конечно, нельзя не учитывать, что классический сталинизм столь сильно скомпрометирован, что ограничиваться требованием восстановления порядков, например 1940 или 1949 гг., просто невозможно. Поэтому искренние носители этой идеологии выступают, скорее, как неосталинисты, как сторонники идеологии, несколько отличающейся от классического сталинизма. И отличается она одним простым качеством — национализмом, проповедью идей русского шовинизма. Во избежание недоразумений подчеркну, что у неосталинистов речь идет именно о шовинистическом национализме, а не о нормальных человеческих чувствах любви к Родине. Потому что неосталинизм как идеология — это восстановление единого и неделимого государства, а подобная идеология вряд ли может существовать под флагом какого-то иного национализма.

«ОНС» А, допустим, исламский фундаментализм?

Л. Г. Если и когда? Если мусульманские народы когда-то будут составлять большинство советского общества, то это будет очень возможно. Но сегодня ситуация иная, ведь более половины населения страны — именно русские, а потому единственный национализм, на который сегодня может опереться идея единой и неделимой России,— русский национализм. Однако, если, скажем, сталинизм будет возрождаться в пределах Средней Азии, то там можно использовать мусульманский фундаментализм. Но в России в целом этого нельзя сделать на базе ислама.

Следовательно, идеи неосталинизма выступают сегодня, в сущности, как идеи национал-социализма. Это совершенно точное определение, но, к сожалению, оно уже «занято», использовано для характеристики пусть родственного, но все-таки другого явления — гитлеризма. Поэтому я бы назвал эту идеологию национал-большевизмом, чтобы подчеркнуть, с одной стороны, ее связь со сталинизмом, а с другой — то новое, что в ней имеется. Чтобы убедиться в том, что это не голословные утверждения, достаточно взглянуть на материалы состоявшегося осенью 1990 г. пленума ЦК РКП, где очень четко сформулирована задача установления союза истинных коммунистов с национально-патриотическими силами.

К счастью, пока наиболее влиятельны другие идеи. И, в сущности, основная из них — это идея отхода от существующих порядков за счет политических реформ, ведущих к более или менее нормальной представительной парламентской демократии с многопартийной системой, гражданскими свободами, разделением властей и т. п., и экономических преобразований, связанных с переходом к рыночным отношениям. Под словом рынок я понимаю современную экономику западных стран, в сущности, являющуюся экономикой смешанного типа. Иногда это называют «социальным рыночным хозяйством», иногда — «государством всеобщего благосостояния». Речь идет об истинной независимости экономических субъектов (предполагающей не только рынок товара, но и рынок труда и капитала), сопровождаемой сильными встроенными механизмами демократического регулирования, управления этим рынком.

«ОНС» То есть сегодня, вы считаете, вообще корректнее было бы говорить о сочетании элементов экономического планирования с элементами свободной игры независимых рыночных субъектов?

Л. Г. Если эти идеи победят в нашей экономической жизни, то мы перейдем от государственно-социалистической экономики к экономике западного типа. Конечно, это не значит, что у нас установятся те же порядки, что в Англии или США. Ведь между отдельными странами Запада — США и Бельгией, Англией и Канадой, Швецией и Португалией — существует огромная разница и в уровне экономического развития, и в каких-то специфических чертах хозяйственной жизни. Но все это страны одного мира, одного типа общества. И мы (если преобразования будут успешными) окажемся каким-то своеобразным обществом, но именно в этом созвездии, на этом континенте, а не на том, на котором мы находимся до сих пор.

«ОНС» Такой ход общественного развития свидетельствует о том, что идеи конвергенции все-таки верны.

Л. Г. Да, но с той разницей, что движение навстречу оказывается *несимметричным во времени*. В сущности, Запад в XX в. (наверное, в значительной мере под нашим влиянием) проделал гигантский путь социализации капитализма, внедрения, вращивания (не механического вставления, а естественного роста в нем) таких элементов и механизмов,

которые традиционно рассматривались как социалистические: элементы планирования, социального страхования, социальной защиты и т. д. Мы же теперь должны решить другую задачу — проделать существенную капитализацию государственного социализма. И если Запад уже прошел свою половину пути, то нам это еще только предстоит. И вряд ли в результате мы в ближайшие годы достигнем уровня развития передовых стран. Однако уровня Греции, Португалии, Испании мы вполне можем достичь. А это уровень жизни значительно более высокий, чем у нас. Всякие разговоры о том, что мы окажемся в положении, скажем, Бангладеш, по-моему, беспочвенны.

«ОНС» Для некоторых наших людей, в том числе и в рабочей среде, по-прежнему остается существенным вопрос: как же будет называться это новое общество — социализм, капитализм?

Л. Г. По-моему, это не так важно. Можно, конечно, говорить об обновленном социализме, но тогда и западные страны надо признать социалистическими. Такого рода идеи, как скажем, о «шведском социализме», «австрийском социализме», стали у нас пользоваться некоторой популярностью. Но это, по-моему, натяжка, во всяком случае сами шведы или австрийцы не называют свои страны социалистическими. Правильным было бы говорить о смешанном обществе, где есть элементы и социализма, и капитализма.

Хотя я должен заметить, что раньше и я говорил об обновлении социализма. До событий 1989—1990 гг. я полагал, что наше движение к обществу современного западного типа будет достаточно длительным, измеряемым десятилетиями. Но в таком случае на протяжении этих десятилетий должно существовать какое-то общество, уже отошедшее от того, что у нас имеется, но качественно отличное и от общества Запада. Такое общество вполне можно было бы назвать или обновленным социализмом, или социализмом с человеческим лицом. Однако события последних полутора лет и у нас, и в странах Восточной Европы показывают, что, скорее всего, процесс будет разворачиваться гораздо быстрее. А раз так, то бессмысленно сегодня рассуждать об обновлении социализма, а надо говорить о движении к смешанной экономике западного типа. Поэтому теперь я предпочитаю употреблять термин «постсоциалистическое» (или «послесоциалистическое») развитие.

«ОНС» Вы уже выделили два возможных варианта дальнейшего развития. Есть ли еще какие-либо пути?

Л. Г. Да, мы рассмотрели, так сказать, «чистые» варианты возможных перемен. Но есть и варианты промежуточные. Конечно, в длительной перспективе (если вести счет на десятилетия) они неустойчивы, внутренне противоречивы. Однако на коротком промежутке времени они могут оказаться очень важными и существенными.

Например, выдвигаются идеи развития демократии в первую очередь в ее простейших формах, таких как борьба с привилегиями, с бюрократией и т. п. Но в то же время рыночные реформы отрицаются или понимаются в урезанном виде, при котором сохраняется господство государственной собственности, планирования, государственно-распределительной системы и т. п. С известным огрублением можно сказать, что подобные позиции характерны — отчасти — для марксистской платформы в КПСС, для некоторых групп в рабочем движении, в частности для отдельных представителей Союза трудовых коллективов.

«ОНС» Но ведь названные вами силы заявляют и о приверженности идеям рынка...

Л. Г. Да, это так. Но их трактовка рынка весьма специфическая. Скажем, при признании важности рынка товаров ими отрицаются рынки труда и капитала. При этом должен подчеркнуть, что они героически борются за демократическую сторону дела. И в этой области расхождений с радикалами у них почти нет. Хотя они все же, по-моему, с некоторым подозрением относятся к нормальной представительной демократии, чувствуется некий уклон в сторону делегатской, советской демократии. В сущности, представители этого направления выступают *не за после-социалистическое, а за истинно социалистическое развитие*. По их мнению, наш более чем семидесятилетний опыт не имеет никакого отношения к подлинному социализму, они убеждены, что можно построить общество социальной справедливости без эксплуатации, без частной собственности и т. д. Конечно, это было бы замечательно, если бы было возможно. Жизнь показала, что, если сохраняется общественная собственность и нет частной собственности (или сочетания частной собственности с какой-то иной), то демократия оказывалась без прочной базы. Такое общество в очень короткое время эволюционирует либо к нормальному демократическому обществу с независимостью экономических субъектов, либо к государственному социализму.

Есть и еще один промежуточный вариант, в каком-то смысле обратный. Это — развитие рынка без демократии или с отложенной демократией. Смысл подобных предложений в том, что создание условий для становления рыночной экономики, как правило, связано с большими потрясениями, а потому удобнее проводить все преобразования под защитой «сильной руки», демократическими же реформами можно заняться потом. Такие рассуждения имеют тем большее значение, что практически это путь, которым уже прошел Запад. Ведь идеи свободы, равенства и братства были только провозглашены Великой французской революцией. На самом деле это была свобода для верхушки, для богатых, а низы фактически находились в совсем других условиях. И лишь после второй мировой войны, когда возникла достаточно устойчивая, эффективная, богатая экономика, демократические и социально-демократические завоевания стали достоянием широких народных масс.

Рассуждая абстрактно, можно было бы признать этот путь наиболее реалистичным. Но нельзя не учитывать двух обстоятельств. Во-первых, он требует большого времени, а никакой гарантии того, что общество захочет терпеть еще сто лет, у нас нет. Во-вторых, Запад прошел этот путь на другом уровне технологии и другом уровне культуры. Поэтому я не знаю, возможен ли он сейчас практически.

«ОНС» Как вы оценили бы процессы, протекающие в рабочем движении страны, в свете очерченных вами четырех возможных вариантов развития?

Л. Г. Рабочее движение представляется мне сегодня если не самым важным, то одним из немногих подлинно решающих факторов перестройки. Прежде всего потому, что рядовые наемные работники составляют сегодня большинство народа. Традиционное представление о том, что народ — это прежде всего мужик, крестьянин, было верно сто лет назад. Сегодня у нас крестьян почти не осталось, и даже если крестьянство возродится, то это будет не более 10% населения. В массе же народ — это люди наемного труда, и в обозримом будущем они останутся наемными работниками или государства, или акционерных предприятий и т. п.

В России сложилась ситуация, коренным образом отличная от того, что бывало до сих пор в ее истории. Впервые она стала страной не деревенской, а городской, не крестьянской, а рабоче-интеллигентской, страной, где большинство населения 7—10 лет просидели за партой, страной,

где большинство людей смотрят телевизор, а значит, имеют какие-то картинные представления о том, как живут в других странах. И существенно, что произошло все это не когда-то, не перед войной (тогда изменились лишь отдельные сектора экономики), а в 60—70-е годы. Это привело к тому, что народ классической русской литературы исчез и никогда больше не возродится, поскольку нет движения назад. Можно это приветствовать, можно оплакивать, но это факт.

Поэтому сегодня *рабочее движение в стране есть то, чем раньше было народное движение*. Но есть и еще одно обстоятельство, повышающее важность рабочего движения. Рабочие (прежде всего, конечно, индустриальные рабочие, но не только они) действуют в таких условиях, которые *делают их легко организуемыми* или, скажем так, *легче организуемыми, чем другие слои населения*. И это имеет огромное значение. Ибо появляется надежда, что перестанет действовать ужасающий закон российской истории, сформулированный Пушкиным: «... ничего нет страшнее, чем русский бунт, бессмысленный и беспощадный».

«ОНО Но и рабочее возмущение может обернуться пугачевщиной.

Л. Г. Как раз, наоборот, пугачевщиной оборачивается народное возмущение, разворачивающееся там, где нет организованного рабочего движения. Рабочие же больше, чем кто бы то ни был, способны к организованности. Кстати, в этом есть и свои немалые опасности — опасности фашизма, возрождения ГУЛАГа и т. п. Я просто хочу подчеркнуть, что рабочие — это *социальные группы с определенными свойствами*. И как бы там ни было, рабочее движение — это, в сущности, *единственная реальная сила, имеющаяся у демократии*. Национал-большевизм может опереться на армию, на КГБ, для реализации проектов авторитарной модернизации можно опереться на капитал, на деньги, да и на власть тоже, потому что часть власти явно пойдет по этому пути. У демократов же есть интеллект, есть идеи, есть огромная сила средств массовой информации, но нет иной политической силы, кроме организованного рабочего движения. Поэтому только при наличии мощного демократического сознательного рабочего движения можно всерьез думать о победе демократического варианта развития.

Но также и ни на кого, кроме рабочих, не могут опереться сторонники утопического варианта подлинного социализма. Что касается варианта, связанного с развитием рынка без демократии, то в его осуществлении рабочие не заинтересованы и вряд ли когда-нибудь будут за него выступать, но они могут ему активно сопротивляться. И если такое сопротивление будет, то данный вариант не пройдет.

Очень сложна позиция рабочего движения в отношении национал-большевизма. До сих пор рабочие, к счастью, ему сопротивлялись. Но они могут оказать огромное влияние на развитие событий, если поддержат данный вариант в решающий момент. Конечно, главной силой в этом случае всегда будут танки, но можно рабочих, так сказать, посадить на танки вместо десанта, и они станут дополнительной силой.

«ОНС» Да и сила, против которой пойдут танки, окажется несоизмеримо меньшей... Впрочем, мы говорим об абстрактных возможностях, а что же, на ваш взгляд, имеется в сегодняшней реальности?

Л. Г. Существуют рабочие организации общественно-политического характера, которые в своих программных документах заявили о поддержке разных движений. До сих пор наиболее мощными, наиболее популярными являются те общественно-политические организации, которые поддерживают движение в сторону рынка и демократии. Прежде всего это созданная стачечными комитетами шахтеров и некоторыми другими орга-

низациями Конфедерация труда. До апреля 1991 г. это были преимущественно шахтеры. Самое важное, что произошло в апреле,— демократическое рабочее движение вышло из шахтных ворот и распространилось на другие группы рабочих. Сегодня это уже и белорусский стачком, объединяющий самые разные организации, и стачечные комитеты на Украине, и, что особенно важно, Совет стачечных комитетов России, куда также входят рабочие самых разных отраслей.

Но, к несчастью, есть и другие направления, прямо выступающие за восстановление сталинизма. Это Объединенный фронт трудящихся. Конечно, здесь большую роль играют не только и не столько рабочие. В свое время ОФТ возник по инициативе работников Ленинградского обкома КПСС. Очень большую роль играют в нем Ассоциация преподавателей научного коммунизма и Общество научного коммунизма. (И надо понимать трагическое положение этих людей, для которых демократические перемены означают просто уничтожение условий, в которых их профессия может существовать, а ведь сейчас это солидные люди, имеющие определенный общественный статус и т. п.) Но очень существенно, что в ОФТ есть и группы настоящих рабочих, в особенности из военно-промышленного комплекса, которым есть что терять.

Существует также группа, сравнительно поздно сложившаяся (я о ней уже упоминал,— Союз трудовых коллективов. Она довольно последовательно выступает за демократические преобразования, но одновременно ратует за преобладание коллективной собственности рабочих, за самоуправление и т. п. Собственно, трудно что-либо возразить против того, что написано в их документах, и бесспорно, что коллективная собственность рабочих также имеет полное право на существование. Но, слушая лидеров этого направления, понимаешь: для них эта форма собственности — главная, и главным должно быть ее место в будущем устройстве общества, а не таким, каким оно окажется в ходе свободного экономического соревнования. Я считаю, что в данном случае мы имеем очередную попытку социальной утопии.

Наконец, вариант развития, названный нами рынком без демократии, не поддерживает, пожалуй, ни одна из рабочих организаций. Хотя, может быть, такую позицию занимают старые официальные профсоюзы. Здесь нет ничего удивительного, ибо ориентация именно на этот путь характерна для многих в нынешнем руководстве и Союза ССР, и КПСС. В сущности, сам Горбачев стоит приблизительно на такой позиции. А старые профсоюзы с их привычкой к послушанию, естественно, поддерживают позицию начальства. Но в живом рабочем движении подобных настроений пока нет.

«ОНС» Значит, по вашим оценкам, на сегодняшний день большинство рабочих выступают за радикальные реформы в сторону рынка и демократии?

Л. Г. Совершенно верно. И в этом парадокс ситуации. Никогда еще не было, чтобы *рабочие выступали за развитие рынка, а не за его ограничение*. В этом смысле очень характерны шахтерские декларации, в которых записано, что рабочие требуют социальной защиты не вместо реформ, ведущих к рынку, а вместе с такими реформами, параллельно с ними, как часть общего процесса. Мы проводили специальные опросы делегатов шахтерских съездов и выявили, что среди них за государственно-социалистические формы развития экономики выступают от 4 до 6% и более 80% стоят за развитие рыночных отношений¹.

¹ См. «Общественные науки», 1990, № 6; «Общественные науки и современность», 1991, № 1.— *Ред.*

Я уже говорил, что сегодняшний рабочий, как правило, имеет (пусть телевизионную) информацию о жизни в других странах. А реальная ситуация такова, что система, которую мы называем капиталистической, сделала жизнь трудящихся, в том числе рабочих, лучше нашей. И если мы берем уровень реальной заработной платы, потребления, здравоохранения, образования, то в среднем он оказывается на Западе выше, чем у нас. В лучшем случае мы можем говорить только об отдельных позициях, по которым мы не отстаем. Причем, если быть честным, то и не могло быть иначе. Сама наша система, ее природа ставят трудящихся в худшее положение.

«ОНС» В чем, по-вашему, основная причина этого?

Л. Г. Что такое наша система, государственный социализм? Это абсолютная монополия государства в области экономики и культуры, это неизбежное отсутствие демократии, а значит, отсутствие у рабочих подлинных профсоюзов и вообще возможности защищать свои интересы. В результате экономическое развитие страны идет медленнее, чем допускают имеющиеся производительные силы. Государственная монополия позволяет сосредоточить все усилия общества на каком-то узком участке и решить почти любую узкую задачу, например создать военно-промышленный комплекс. Но решается поставленная задача за счет всех других проблем. Просто эта система может концентрировать усилия на каком-то одном пресловутом звене, но не может развивать общество по всем направлениям.

«ОНС» Результатом такой концентрации усилий стала, например, индустриализация нашей страны.

Л. Г. Конечно, хотя при этом остается открытым вопрос о том, можно ли было то же сделать другим способом. Но вот *осуществить научно-техническую революцию, растить постиндустриальное общество этими методами нельзя*. Здесь всегда будет получаться меньший эффект, чем в рамках рыночной экономики. Просто слишком сложна в данном случае система, чтобы ею можно было управлять на основе административных связей. Значит, величина продукта, поступающего в распоряжение общества, в условиях государственного социализма меньше, чем при рыночной экономике. Даже по советским официальным данным, доля ВВП на душу населения в нашей стране в три раза меньше, чем в США. Но при этом та часть ВВП, которая идет на капитальные вложения и оборону, в обеих странах одинакова. Значит, доля потребления уменьшается еще в несколько раз. Здесь дело не в абсолютных цифрах, хотя, по-моему, разница между нами и США гораздо больше, а в том, что отсутствие рабочего сопротивления, т. е. отсутствие демократии, и одновременная неповоротливость государственной монополии приводят к столь несправедливому распределению ВВП.

«ОНС» Следовательно, то, что положение рабочего класса в условиях государственного социализма хуже, чем в рамках капитализма,— не случайность. Это вытекает из самой природы системы.

Л. Г. Конечно. В ней неизбежна государственная монополия, а значит, менее эффективно производство, в ней нет рабочего сопротивления, а значит, распределение национального дохода всегда не в пользу трудящихся. В таком обществе остаточный принцип распространяется не только на культуру, это всеобщий принцип соотношения фонда потребления и фонда накопления. Когда есть рабочее сопротивление (реальные профсоюзы, забастовки и т. д.), некий уровень потребления, оплаты труда задается как неизбежность. Если вы не можете обеспечить опреде-

ленный уровень оплаты труда, вы не начинаете производство. Нельзя построить завод, не построив предварительно жилье: на нем просто не будут работать. Но когда нет рабочего сопротивления, то все это вполне можно проделать. И тогда получается, что вы сначала определяете свои военные и производственные расходы, а потом лишь то, что останется, делите среди рабочих (пусть даже самым честным образом). Нужно же, чтобы было наоборот. И важно понять природу этого явления, понять, что, не изменив систему, мы никак не сможем его избежать.

И в этом смысле рабочие объективно заинтересованы в развитии рыночной экономики. В этом, повторю, наша ситуация существенно отличается от развития рабочего класса на Западе. Там рынок развивался от диких, нецивилизованных форм, описанных Бальзаком, Диккенсом, Достоевским, к введению все больших элементов ограничения, организованности, социальной справедливости и т. д. Бывали периоды (например, сейчас), когда считалось, что ограничения слишком велики, но в целом социал-демократия всегда выступала не за уничтожение рынка, а за социальную политику, социальную активность государства.

У нас же произошел переворот, в ходе которого рынок был практически уничтожен или остался в каких-то извращенных формах. Но в нынешних условиях эта система, этот безрыночный порядок не могут развивать производство достаточно быстро и эффективно. И потому задача у нас — в развитии рыночных начал, в том, чтобы освободить рынок, расширять его, но не до безумия. Нельзя уничтожать элементы социальной защиты, любые сдерживающие начала.

«ОНО Как вы уже говорили, по пути конвергенции нам надо пройти свою часть пути.

Л. Г. И нам еще очень далеко до той точки, где может возникнуть опасность зайти чересчур далеко. Сейчас я могу считать теоретически не слишком убедительными некоторые рассуждения самых отчаянных рыночников, заявляющих, что не нужно никаких ограничений, что рынок все сделает сам. Думаю, что они не правы, но сегодня это вопрос по большей части академический. В ближайшее время у меня нет с ними расхождений в том, куда идти. Возможно, на каком-то этапе я скажу им: «Достаточно. Надо остановиться». Но может быть тогда и они не будут настаивать на дальнейшем движении. В целом же, по-моему, достаточно ясно, почему рабочие объективно заинтересованы в развитии рынка и почему сознательная часть рабочих поддерживает идеи рыночных реформ.

Но, увы, у проблемы имеется и другая сторона. Конечно, торжество рыночной экономики в итоге ничье положение не сделает худшим. Кто-то, может быть, не выиграет, но никому всерьез не станет хуже, даже нищим и бездомным. Но это будет еще не скоро, а когда переход свершится, и вся новая система как-то установится, устроится. Но в процессе самого перехода, я боюсь, неизбежны или во всяком случае в высшей степени вероятны чрезвычайно большие трудности и — что особенно важно — *непривычные для нас трудности*. Ведь известно, например, что значительная часть советских потребителей предпочитает иметь низкие цены и дефицит, чем лежащий на прилавке товар, стоящий дорого. Создалась ситуация, при которой около половины населения признает необходимость перехода к рынку, готово к этому, но, к сожалению, приблизительно столько же людей не хотят платить цену за этот переход — не хотят роста цен, безработицы и т. п.

Я думаю, что нужно очень серьезно считаться с тем, что становление рынка, которое само по себе не очень ухудшит положение, а просто изменит порядок распределения, будет вызывать массовое народное недовольство. Вместе с тем я боюсь (и это гораздо хуже), что при станов-

лении рынка не избежать некоторого периода разрухи и хаоса, при которых само производство станет снижаться. Поэтому очень вероятно, что значительная часть народа, в том числе и рабочих, будут страдать от перехода к рынку.

"ОНС" Следовательно, новая экономическая система — рынок выгоден всем рабочим, но сам процесс перехода к нему несет с собой трудности. Очевидно, эти трудности будут различными для разных групп рабочих?

Л. Г. Разумеется. Группы рабочих, более квалифицированных, более образованных, более молодых и сильных, более психологически устойчивых, связанных с наиболее перспективными отраслями, готовы идти на рынок, который не вызывает у них особенных опасений. Но есть и другая часть рабочего класса. Это люди, менее квалифицированные или владеющие старой квалификацией, пригодной для отраслей или производств, у которых нет будущего, более старые и слабые, психологически неустойчивые. Им просто трудно приспособиться к новым обстоятельствам, и переход в рынок для них очень страшен. Нельзя забывать, что это десятки миллионов людей. Наконец, нужно учитывать особенность такой важной группы, как рабочие военно-промышленного комплекса. Здесь сосредоточилась, быть может, самая квалифицированная часть рабочего класса, наиболее образованная.

«ОНС» Но и самая привилегированная. Им-то как раз есть, что терять. Они в какой-то степени вписались в общую систему привилегий.

Л. Г. В каком-то смысле, да. Но, может быть, отчасти потому, что и производство здесь было лучше налажено. Квалификация рабочих военных заводов не пропадет, и через какое-то время они приспособятся к новым условиям. Но разница между ними и, например, шахтерами состоит в том, что шахтерам терять абсолютно нечего, а рабочие, скажем, военных заводов что-то вначале могут потерять, и уже теряют. Поэтому и на ленинградском инициативном съезде российских коммунистов была довольно большая группа рабочих военных заводов.

Нужно ясно видеть противоречие: *принципиальная заинтересованность всего народа, всех трудящихся в переходе к рынку, с одной стороны, и текущие трудности, грозящие по крайней мере половине рабочего класса,— с другой*. Пока мы еще не ощутили реальных трудностей рынка, и большинство рабочих склоняются к поддержке демократического направления. Но из-за того, что есть вторая половина противоречия, существует опасность колебаний в момент, когда общество войдет в рынок. Такой процесс совсем не неизбежен, но его надо иметь в виду. И, думая о будущем, реально представлять себе возможные опасности. Здесь можно также сформулировать проблему для демократической интеллигенции: чем ей заниматься, какие опасности ей надо предотвращать, смягчать и т. д.

«ОНС» До сих пор мы говорили о роли рабочих в процессе перехода к рынку. А какова будет их роль в новом обществе?

Л. Г. Прежде всего замечу, что в случае победы национал-большевистского варианта преобразований, о роли рабочего движения говорить нет смысла. В таком обществе ему нет места: оно будет уничтожено, как были уничтожены профсоюзы в 20-х — 30-х годах. Но если, как я надеюсь, победит движение по пути к рынку и демократии, то в новом обществе профсоюзы, рабочее движение также окажутся в центре развития. Потому что рынок может начать складываться таким же диким образом, как во времена Диккенса и Бальзака. Но если рабочие сразу

создадут мощные профсоюзы и воспротивятся попытке все на них переложить, тогда у нас сразу же могут сложиться так называемые системы трехсторонних отношений, трехстороннего сотрудничества, трехсторонних переговоров, которые сегодня существуют в большинстве стран Запада. А это значит, что хотя у нас и не появится такой же уровень жизни, как на Западе, но произведенный продукт будет делиться в ходе столкновения и компромисса двух сил, а не просто по воле хозяев, кем бы они ни были.

«ОНС» И в этом плане, очевидно, огромна роль формирующихся сейчас независимых профсоюзов, которые могут оказать влияние на установление цивилизованных, а не диких порядков рынка?

Л. Г. Конечно. Здесь также очень важно и интеллигенции, и самим рабочим разбить предрассудки вульгарной утопии, согласно которой можно якобы создать некий высший центр, который будет самым разумным, научно обоснованным образом определять макропропорции распределения: какую часть продукта направить на потребление, какую — на накопление. И опыт, и теория показывают, что подобные попытки всегда приводят к худшим результатам, чем решение, добытое в ходе борьбы, столкновения, компромиссов и согласия.

«ОНС» Но нас всегда учили, что в том-то и состоят преимущества плановой экономики, что ей не свойственны нерациональные потери, неизбежные на западном рынке.

Л. Г. На деле же оказывается, что попытки решать за людей приводят к гораздо большим потерям. И это естественно, потому что когда речь идет о столкновениях интересов, то перебирается множество вариантов, и решение принимается после всесторонней критики, включая критику забастовками, борьбой, чем угодно. А когда этого нет, то кто-то кого-то уговорил, и принято решение, за которое приходится расплачиваться десятилетиями, поскольку построены какие-то ничемные объекты по устаревшим технологиям и т. п. В этом смысле борьба рабочих, в том числе и забастовки, хотя она и связана с определенными потерями, в целом *дает меньше потерь, чем ее отсутствие.*

«ОНС» Сейчас очень много говорится и пишется о дорогой цене шахтерской забастовки весны 1991 года.

Л. Г. По-моему, это совершенно бессмысленные и злонамеренные рассуждения. Ведь более или менее понятно, что именно шахтеры, именно забастовки, а затем и выплеснувшееся в других городах рабочее движение — это единственное, что предотвратило резкий правый поворот власти. Но даже демократы часто говорят, что хорошо бы добиваться результатов без забастовок. А между тем забывается, что совсем не забастовки — главная причина нашего экономического кризиса. И масштабы потерь, связанных с пороками системы, в сотни раз больше, чем потери от забастовок.

К тому же забастовки не просто несколько увеличивают потери, омы *предотвращают другие потери.* Они заставляют принимать необходимые экономические меры, менять ситуацию, при которой заработная плата, потребление носят остаточный характер. Ведь наше хозяйство невосприимчиво к научно-техническому прогрессу и тому подобным вещам прежде всего потому, что с заработной платой можно делать все что угодно. Но если она защищена забастовкой, профсоюзами, переговорами, то приходится внедрять новую технику при всех трудностях этого процесса.

Что касается конкретной весенней забастовки шахтеров, по поводу которой раздавались бесконечные вопли, что гибнут домны, коксовые бата-

реи и т. п., то не удивлюсь, если лет через 10 о ней будут говорить как о классических капиталистических кризисах перепроизводства XIX в., разрушавших старые производительные силы и расчищавших путь новой технике и тем самым служивших механизмом прогресса при всех издержках пути: рабочие, отстаивая свои требования, попутно уничтожали то, что давно надо было бы уничтожить. Боюсь только, что на самом деле ничего не погибло...

«ОНС» И все-таки без глубочайшей структурной перестройки промышленности нам не обойтись, ибо иначе любые повышения заработной платы будут фикцией и ни к чему, кроме гиперинфляции, не приведут.

Л. Г. Я думаю, это абсолютно справедливо. Чрезвычайно важно помнить, что рабочее движение — не только единственная политическая сила, которая может обеспечить реформы, но и действенное средство очеловечивания рынка. Любопытно, что сейчас в этой связи возражают, приводя свидетельства сокращения на Западе численности профсоюзов и некоторого падения их влияния. Но это означает лишь, что за последние пятьдесят лет рабочий класс, профсоюзы так «выдрессировали» предпринимателей, что сегодня они и без понукания ведут себя достаточно разумно. В такой ситуации рабочим становятся не очень нужными профсоюзы, тем более не секрет, что нередко они оказываются связанными с мафиозными элементами. Однако думаю, что через несколько лет «дрессировка» слегка подзабудется и начнется новый рост профсоюзного движения.

«ОНС» Нам до такой ситуации еще далеко, еще лишь предстоит «дрессировка» наших предпринимателей, и здесь необходимость новых профсоюзов, по-моему, совершенно очевидна.

Л. Г. Причем в наших условиях они с самого начала должны возникать не как профсоюзы, которые видят единственную возможность борьбы только в бескомпромиссных столкновениях, а как профсоюзы, готовые использовать любые способы — и конфронтацию, и компромисс, и мирные переговоры, и забастовку, и коллективный договор. При этом рабочие чрезвычайно заинтересованы в разгосударствлении, потому что при сохранении государственной монополии никакие реальные переговоры, никакие равноправные дискуссии невозможны. Тогда остается или подчинение, ведущее к ужасным последствиям, или бескомпромиссная борьба. А вот если произойдет разгосударствление, то вместо дихотомии, где компромисс чрезвычайно сложен, образуется трехэлементная система: рабочие, профсоюз; предприниматель (отдельное лицо, организация, самостоятельная государственная компания типа «Рено»); государство, непосредственно не являющееся собственником, не несущее ответственности за деятельность предпринимателя и потому способное выступать посредником в спорах. В такой ситуации создаются предпосылки для сокращения столкновений и забастовок, для минимизации их, расширяются возможности взаимного компромисса.

«ОНС» Но это — дело будущего. А в этом году наиболее ярко проявилась политическая роль рабочих организаций.

Л. Г. Когда речь идет о политических реформах демократического толка и вообще о борьбе за реформы, то в самой ситуации кроется гигантская опасность — опасность перехода от мирных, ненасильственных видов борьбы и реформ к насильственным, к гражданской войне. И здесь организованное рабочее движение в отличие от того, что часто думают, представляет собой фактор, который не увеличивает, а *уменьшает опасность насилия*. В сущности, это единственный гарант возможности не-

насильственного перехода. Потому что хорошо организованное рабочее движение может стать такой силой, которая способна заставить тех, кто сопротивляется реформам, отказаться от применения силы. (Я не говорю, что обязательно станет, но может стать.) Ничто другое эти силы остановить не может, а всеобщая забастовка может.

Значит, рабочее движение способно стать такой силой, которая заставит номенклатуру, бюрократию под давлением силы отказаться от насильственных форм сопротивления. Но есть и еще одно очень важное обстоятельство, на которое обычно обращают меньше внимания. Ведь опасности насилия исходят не только от возможности применения правящей партийно-государственной элитой военной силы (эта опасность есть, но вряд ли она столь велика). Еще большую опасность представляет сам бунт — ничем не сдерживаемая стихия. Она всегда была страшна, но в XX в. появилась одна вещь, которой раньше в истории человечества, кажется, не было: появилась опасность массового включения в этот бунт подростков, действующих как отдельная, самостоятельная группа.

До сих пор это проявлялось преимущественно на окраинах мира. Вспомним хунвейбинов в годы «культурной революции» в Китае, карательные органы и армию Пол Пота, большей частью состоявшие из почти детей. Палестинское движение, по сути, представляет собой организацию, где взрослые руководители используют преимущественно подростков. Сейчас такие взрывы мы видим и в США, и во Франции. Причем я не задаюсь вопросом, кто прав в этой борьбе. Но само использование подростков в каком угодно справедливом деле (а тем более в несправедливом) таит в себе страшную опасность. К общему ужасу такая опасность пришла и в нашу страну: вспомним винный бунт в Челябинске в августе 1990 г., где самым страшным были толпы пьяных подростков, вспомним события в Фергане. И как с этим бороться? Стрелять в детей?.. Хочу обратить внимание лишь на одно обстоятельство. В Кузбассе или в Донбассе, где, казалось бы, условия для таких бунтов были более благоприятные, чем в Челябинске, ничего подобного не было.

«ООНС» Уверены ли вы, однако, что насильственных конфронтации удастся избежать?

Л. Г. Важно видеть, что возможно, а что не возможно. Я думаю, что, увы, не возможно избежать катаклизма, в некотором смысле сходного с гражданской войной и гражданским столкновением. Здесь, по-моему, уместна аналогия с международным положением. После второй мировой войны человечество не смогло избежать своего рода третьей мировой войны. В результате произошел передел мира и т. п. Но для мирового сообщества оказалось возможным избежать горячей мировой войны, добиться того, что этот конфликт разрешался в форме «холодной войны» (хотя при этом были и Корея, и Алжир, и Ближний Восток, и Вьетнам, и Афганистан), ибо стало ясно, что война перестала быть средством решения политических задач, а может быть только средством самоубийства.

По этой аналогии можно анализировать и нашу ситуацию. События 1917 г. и последующей гражданской войны были связаны с огромными потерями, некоторые из них так и не были ликвидированы до конца, — но тогда гражданскую войну можно было выиграть. Сегодня открытую гражданскую войну в нашей стране выиграть нельзя. Вспомним, что наделал один случайный Чернобыль, а представьте себе сотни Чернобылей, которые возникают просто потому, что вдруг отключили электричество, перестали подавать воду и т. д. В стране, полной атомных объектов, химических производств и т. п., открытую гражданскую войну не выигрывает никто, просто никого не останется. Поэтому я считаю, что есть шанс

ограничить конфликты (увы, неизбежные) «холодной гражданской войной».

«ОНС» Горбачев особенно рассчитывает в этом на центристскую политику.

Л. Г. Сейчас уже нет почвы для центристской политики в строгом понимании этого термина. Уже невозможно объединить всех со всеми. Нельзя же примирить сторонников неосталинизма и национал-большевизма и сторонников демократии, тут нет почвы для компромисса, тем более для консолидации. Однако есть возможность (повторяю, не гарантия, а возможность) искать компромисс по поводу правил борьбы, по поводу достижения какого-то соглашения о недопущении «горячих» форм этой борьбы. И хотя очень распространены рассуждения о том, что мирно никто власть не отдаст, что, если дело дойдет до крайностей, никто не будет стесняться в применении кровавых средств, мне это не кажется достаточно убедительным. Мощное организованное рабочее движение способно сделать невозможным применение вооруженной силы. И оно может предотвратить «бунт, бессмысленный и беспощадный».

© Л. Гордон, Н. Плискевич, 1991